

Наши судьбы пересеклись, когда в 1972 году после Ленинградского университета я приехала работать в “Вологодский комсомолец”. Мне было чуть за двадцать, Фокина же вступила, как я теперь понимаю, в пору поэтической и человеческой зрелости. Её стихи с завидной регулярностью появлялись на страницах областных газет и вызывали стихийные обсуждения не только среди творческих работников – в ту пору поэзия собирала и объединяла в больших залах самых разных людей. Все искали ответы на назревавшие в обществе серьёзные проблемы, и ближе всего к ним подбиралась, как ни странно это звучит сегодня, литература.

Когда я оглядываюсь назад и пытаюсь понять, кто же меня формировал как человека, журналиста и писателя, то среди прочих имён неизменно обнаруживаю имя Ольги Фокиной. Её незамутнённый светлый дар и неистребимая способность держаться корнями за родную почву многим “ставили голос” и воспитывали характер – творческий и житейский. И это при том, что на людях, в городском обществе, она появлялась чрезвычайно редко, – всё за неё делало её слово.

Неуместно было бы предположить, что когда-то девушка Оля из Верхнетоемского района Архангельской области поставила перед собой именно такую задачу: влиять своим даром на судьбы человеческие. Она и о даре-то этом если догадывалась, то с обмирающим от сомнений сердцем.

*Я в стихах, конечно, первоклассница,
Трудно мне писать самостоятельно:
Вдохновенье вспыхнет — и угаснет,
Прошпиев на сырость прилагательных,
Не идут глаголы тонконогие,
В неопределённости наречия,
И боюсь, споткнусь на первом слове я
По дороге в души человечьи, —*

так писала Фокина в восемнадцать лет.

Через десяток лет Ольга Фокина со сдержанной любовью и пониманием заметит:

*Маме то, что я — с таланом,
Долго будет невдомёк.*

Однако сама она уже в двадцать чётко осознавала главное: она не сможет полноценно дышать без своей малой родины:

*Пой, вселенная! Я воскресаю!..
Только тут я действительно дома,
Только тут я душой не молчу.*

И её говорящую душу услышали в Москве — уже имея профессию фельдшера, она поступает в Литературный институт. Однако не он научил её быть поэтом — она пришла туда, уже будучи им и твёрдо зная, что “чудо-родина моя, открытый мною самородок!”

Вполне объяснимо, что первые циклы стихов Фокиной были насыщены восторгом любви во всех её смыслах и проявлениях.

*О, как я жизнь люблю!
Мне утро рассказало
Губами облаков и голосами птиц,
Что радость так близка, и счастья так немало,
И столько для пера нетронутых страниц!..*

Вспоминая неповторимую красоту родной северной земли, её разлинов и золотых плёсов, она сожалеет, что об этом “мало песен поётся в народе: // То ли люди не видят такой красоты, // То ли слов, чтобы спеть, не находят”.

Не прав будет тот, кто станет утверждать, что не существует безграничных человеческих различий между властителями “серпа” и “молота”. Они стали закладываться во всём мире с началом индустриализации и в наше время достигли ужасающих размеров. Молодому урбанизированному поколению это не кажется катастрофой, ибо оно элементарно лишено тех рецепторов, которыми прежний человек ощущал живой мир и своё родство с ним. Шумные краткие вылазки горожан на природу не имеют ничего общего с тем состоянием, в котором жили наши недавние предки. В крайнем случае, у “отдыхающих” случается выплеск адреналина от столкновения с реальной жизнью, которая по возвращении тут же забывается. Пожилой же сельский человек, ещё помнящий своё естественное состояние, испытывает сегодня шок от столкновения с мегаполисами, и это воздействие быстро и бесследно не проходит.

Предощущение и боязнь этого сбоя в человеческой природе начало звучать в стихах российских поэтов задолго до того, как начался творческий путь Ольги Фокиной. И она в этом смысле стала достойным продолжателем традиций своих лучших предшественников, таких, как Некрасов, Есенин, Клюев. Но она внесла в это направление и свой неповторимый языковой и душевный вклад.

Начнём с того, что её поэзия представляет собой полное слияние души человеческой с природой. Как когда-то в первых своих строчках она обнаружила эту неразрывность, так никогда и не мыслила иначе. Для неё живо и свято всё, что её окружает:

*Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевёрнутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни мёдом, ни луком.
Как же ты тянешь, родная земля,
В эти пласты, как в ладони родимой,
Ткнуться лицом, ни о чём не моля,
Лишь бы с любимой — неразделимо.*

Фокина не приемлет безжалостного отношения к живым существам, населяющим лес, она принимает это как покушение на её собственную жизнь, потому что “одно — с пичугами // Я в краю моём!”

Такое кровное родство подразумевает взаимную поддержку в тяжёлые минуты. И автор знает, что имеет полное право прийти со своей бедой в объятия к лесу:

*Ты вступи, мой лес,
Во свои права!
Не с чужих улук,
Не с чужой хулы,
Ты прими мой крик
На твои стволы!..
Пронеси его,
Обессиль его,
Угаси его!*

Она поёт свои гимны то иве, то черёмухе, то берёзе, очеловечивая их и принимая их страдания, как собственные.

Именно в мире неподкупной природы происходит то, что во многом утратили сегодня люди, — обмен живительными энергиями, которые едины для всего сущего. А потому вовсе не смешны и не бессмысленны объятия с растительным миром, ведь “всё, что гибнет // Во мне и вянет, // Твой сок поднимет, // Спасёт, распрямит..”

После этого не удивительно авторское заявление о том, что “в моей крови — брусничный сок, // И сок ржаной, и сок берёзовый”. И всегда у того, кто существует во внутренней гармонии с живым окружением, есть на случай непреодолимого отчаяния успокаивающая мечта и возможность: “Набреду на ландышевый остров // И останусь ландышем на нём”.

Похоже, что лирическая героиня Ольги Фокиной в отношениях с природой напрямую наследует философию наших далёких предков, полностью отождествлявших себя с нею. Землёродждённые, в неё же и ушедшие... Именно об этом следующие, очень показательные её строки:

*Они — давно земля внутри земли,
А из земли взошли берёзки эти.
Вот почему, когда звучит оркестр,
Гремит салют во славу Дня Победы,
Я ухожу иль уезжаю в лес —
Поближе к ним, родным, — отцу и деду.
С любой былинкой чувствую родство,
Я радуюсь извечной жизни ладу,
И листика простое естество
Рассматриваю долго, как награду
Отцу —
Не награждённому ни разу.*

Такое отношение к действительности рождает и особый образный строй стихов Ольги Фокиной. В них, как в доброй сказке, всё волшебное и всё легко осуществимо, всё исполнено понимания и бескорыстной любви друг к другу, всё исправимо и живописно, зримо.

Так, нас несколько не удивляет, что ночь по своей продолжительности может быть “с воробушка”, что вечером “солнышко присядет на плетень”, что у печки есть щели-“морщины”, что “сжаты листиков ладошки в неприступный кулачок”, что на полу могут быть “неподметённые солнышка крошки”, что существовал когда-то “вцепившийся зубами серп — в кофтёнку на плече”, что ветер, как человек, может увязаться за тобой: “на закорки: за дровами в бор!”, а “поутру нетронутые росы // солнцу пить опять наедине”.

В каждой из подобных картин живут неистребимая доброта и сердечный покой, присущие сельскому человеку, который привык не воевать, а быть в сотоварищах с окружением. Потому и оно отвечает человеку тем же.

Среди этого всего и сама сказочная, вечно занятая деревенскими делами Ольга Фокина: вот она извинилась — “пообщаюсь с голиком”, вот она опять в лесочке по родственной необходимости — “с осинами по-дружески дрожу”.

Не успеешь перевернуть страницу, а она уже в весеннем поле – творит свою молитву: “Эту юную, только из зимних пелёнок, // Поцелуй мою землю, серебряный плуг”. И только где-то вдали иногда возникает на миг тягостный мотив, ранивший её душу:

*Оставляя облака высоки,
Окуная голову в купель,
Редко-редко вскрикнет одинокий,
Одинокий старый журавель.*

Однако в начале творческого пути эта тревожная нота предчувствий пока ещё заглушается напором жизнерадостности и веры в силы свои и своего народа.

Стержнем поэтического дара Ольги Александровны Фокиной была и остаётся верность родным местам, являющаяся вовсе не географическим понятием. Для души нет преград и расстояний, и где бы она ни жила, в Москве ли, в Вологде ли, сутью своей поэт всегда в своей земной колыбели. И даже в официальных поздравительных строчках она не умеет скрыть свою нежность и любовь к малой родине:

*Я на миру живу не горбясь,
Я для тебя храню поклон,
Моя Архангельская область,
Мой Верхнетоемский район.*

И ноющей струной все годы разлуки в ней звучал один-единственный вопрос: “Не предала ли края отчего, // Живя от отчего вдали?”.

Собственно, по берегам этого разрыва-оврага в душе и расположены все самые прекрасные и самые болевые моменты её творчества.

Если мы посмотрим на даты создания одного из лучших стихотворений на эту тему “Я не просто грущу, я – в печали великой!”, то обнаружим, что между ними промежуток в целые четверть века, – 1963–1988! Выходит, что “земную жизнь пройдя до половины”, Ольга Александровна Фокина как человек и как поэт не знает достоверно, права ли она была, послушавшись предостережений старших (“Оставайся! Не наша стезя – города!”).

Раздававшийся ей вослед отчаянный крик оставляемой родины не умолкал в ней никогда!

Об этом – самое начало надрывной поэмы “Малина твоя”: героиня “к прежним подругам // Нарядная и гордая, // Приехала из города”, приехала в ту деревню, “что оставила, // Хоть та: “Не оставь!” – // Настаивала, // В ту бедную, // Что покинула, // Хоть та: // “Не покинь – // Погину я!”

Разумеется, отъезд одного человека не может трагически повлиять на завтрашний день конкретного поселения. Однако судьба самой Ольги Фокиной слитна с судьбою её сверстников, вынужденных в своё время оставить обескровленные войной деревни ради образования и ради пропитания. Индустриальные и культурные центры манили и сих пор манят молодёжь возможностью реализовать себя и разнообразием досуга. Всё это было бы не так трагично, если бы не разрушало вековые устои, формировавшие особенности и силу нашей нации.

*Чтоб тоски-разлуки камень
Снять с меня, прощальным утром
Мать ходила за словами
К древней старице премудрой.
И в последний раз умыться
(Я об этом знать не знала!)
Наговоренной водицы
Мне родная наливала.*

Однако не помогли лирической героине никакие народные хитрости: вода не уносила от неё “тоски-печали”. И она быстро поняла, что ей суждено “век страдать о том, что мило”. Так и случилось.

Наступает период, когда Фокина пытается найти опору в тех, кого оставила на родине. На протяжении всего творческого пути она молит о понимании её душевных терзаний: “Мне горше нет, чем быть не с вами!” Оставляя деревню в юном возрасте, она с надеждой обращается к родному человеку: “Ты поддержи, братишка, пламя, // Ты только пламя не гаси!” И этот мотив — “храни огонь родного очага... // лелей лоскут отеческой земли” — только крепнет в ней с годами, но уже обращённый ко всем русским людям. Со временем он обретает обобщающее, многозначительное для родной страны звучание: “Не уходи из красного угла, // Не уступай супружеское ложе”.

Часто проводывая свои архангельские края, поэт с горечью наблюдает, как меняется вокруг всё живое, обретая тенденцию к разрушению. Когда-то с молодым азартом она бросалась исправлять и спасать всё, что требовало её участия, — будь то накренившееся дерево, сломанный мосток или засыпанный кем-то родник.

*Бегом бегу обратно
За заступом домой.
И яростно копаю,
И весело пою.
И струйка голубая
Спешит в ладонь мою.*

Через годы она обнаруживает, что её усилия тщетны и что не хватит её отдельных женских сил на то, чтобы остановить начавшееся разложение прежнего ладного человеческого быта. Ведь повсеместно в России нынче счастье в том, чтобы “рубль в кармане // Да бутылка на столе...”

Приходит в запустение даже то, что, казалось бы, неистребимо по своей сути: чистые северные родники. Когда-то один из них успокаивал её:

*Я не сдамся! Я — упорный!..
Тут засыплют — там пробьюсь.
Путь трудней — водица чище!
Не печалься обо мне:
Ты всегда меня отыщешь
На родимой стороне!..*

И вдруг в голове — как молния в небе — сверкает осознание того, что в благороднейшей воде растворены ядохимикаты. И звенит родниковый крик-предостережение:

*— Не касайся! Я — отравлен!..
Не ищи меня! Прощай!*

Этим прощанием в какой-то степени олицетворено и расставание Ольги Фокиной с прежними иллюзиями, с убеждённостию, что все беды обратимы и всё живое — восстановимо. Увы, ко всякому приходит возраст, когда реали становятся сильнее желаемого.

Эти предкризисные мотивы ещё не раз будут всплывать в сочинениях Ольги Фокиной. Однако завладеть её душою полностью они пока не могли, ибо поэту было ещё на что опираться, — до поры до времени.

Такой опорой всегда была для Ольги Александровны её мать, “родимая”, как она называла её почти в каждом стихотворении.

*Настежь ворота — родимая дома!
Сами собой меня ноги несут.
В клетке дрова. Огород не изломан.
Грядки ухожены. Куры бегут....*

Не было для Фокиной, наверное, большего счастья, чем возвращение в родную избу, где всё напоминало о прошлом, всё грело душу и всё растило не только наследников по духу, но и граждан своей страны.

*Большая Родина без малой
Не то что слишком велика,
А как бы дом родной — без мамы,
Без дела — мамина рука.*

О беззаветных труженицах написано немало строк, и фокинские среди них — одни из самых выразительных.

*Звездной полночью осенней,
Серп нащупав второпях,
Мать меня в холодных сенях
Отделила от себя.
И, в холстинку завитую,
Положила жить потом
На солому золотую,
Тем же сжатую серпом.
Самый первый образ мамин:
Сноп ласкающих лучей
И вцепившийся зубами
Серп — в кофтёнку на плече.*

Наверное, этим мигом и определилась судьба этой девочки: стать Избранной и выступать от лица своей матери, всех её земляков и предков.

Для честного миропонимания ребёнку бывает достаточно и одного настоящего жизненного урока. Такой был преподнесён матерью маленькой Оле, когда она искренне спросила было:

*“А лучше — воровать или просить?” —
И мама, как споткнувшись обо что-то
И, как частушку, ласку погасив,
Сказала: “Лучше — до смерти работать”.*

“Кость да жила — оно и сила!” — говорили о русских женщинах, выносили-вых, но измождённых непосильным трудом ради своих детей. У них, у военных вдов, почти не было ни отдыха, ни праздников, и некуда было порою надеть нарядную шаль. У них и песни-частушки пелись больше горькие. А у иных и не пелись вовсе...

*...Долблю. На льдину дую,
Пытаюсь разогреть.
Хочу, как молодую,
Заставить маму петь.
Бывает, и уступит,
Бывает, и споёт —
От мёрзлого отрубит,
Отдаст, как не своё.
Мороженая песня,
Простуженный мотив...*

Он, этот мотив, звучит во всех стихах, посвящённых военной и послевоенной голодной деревне. Даже если Фокина вспоминает свои самые юные годы и девчоночьи шалости, материнскую ласку и краткие мгновения счастья, она всё равно неизбежно возвращается к тем горестным основам, на которые опирался текущий день её “родимой”.

*Дня неостанет — ночи
Щедрый урвёшь кусок.
Первой тропу протопчешь
Дров порубить в лесок.
Первой распахнешь поле,
Первой нажнёшь снопок...*

И так — изо дня в день, из года в год.

А потом наступил и тяжкий миг, когда “на ауканье мама // Не откликнулась мне”. И невозможно понять и поверить,

*Что руки мамы — как ни мокнут
В моих слезах, — не расковать:
Ни наказать меня — не вздрогнут,
Не шевельнутся — приласкать...*

Сколь прилежен и ласков ни был бы человек по отношению к своим родителям, всякого неизбежно настигает раскаяние в неверных поступках и сожаление о вовремя не сделанном.

*Неизмеримы потери
Наших досужих минут...*

Помимо жизненного уклада — лада, в котором всё было соразмерно, продуманно и нерушимо, при соблюдении особых, общиной выстраданных и возведённых в ранг закона правил, — земля её предков была богата своей мудростью, выраженной в слове. И каждый живущий на земле напитывался этим словом в прямом смысле вместе с молоком матери, под её колыбельную, а потом — под вечерние сказки, а потом — под посиделочные песни. Народная культура шла в одной упряжке с трудовыми буднями и скрашивала их, и наполняла особым высоким смыслом, и растила человека глубоких жизненных принципов и вольной души. Не плакать об утрате этого богатства может только тот, кто по судьбе не соприкасался с ним.

Поэтический мир Ольги Фокиной благодаря матери наполнен и переполнен народным восприятием жизни, в которой всё разумно и всё участвует в бесконечном круговороте.

*Все прекрасно, ясно, мудро, просто:
Корни — в почве, ветви — в синеве,
Стройный стебель — остов — под берёстом.
Кольца лет — вокруг сердца. Лист — в траве...*

Жизнь человеческая в народной поэтике сродни странствиям сказочного героя, которому всё вокруг помогает, если обнаруживает встречное понимание и уважение.

*Во широком полюшке
В час перезапряжки
От внезапной волюшки
По спине — мурашки!
Наклонились к реченьке,
Выкатались в росах, —
И опять, сердечные,
Нету вам износа!..*

Воспитанный мудрыми деревенскими дедами и бабками, русский человек с первых шагов усваивал правила управления собственной судьбой и способы избегания ошибок — всё это было облачено в пословицы и поговорки и накрепко впечатывалось в память.

*Станут слёзы комом в горле —
Удержи их, убеди:
Это горюшко — не горе,
Горе будет впереди.
Приструни себя пожёстче,
Поговорку призови:
Хорошо-то наживёшься,
Ты, брат, худо поживи!*

*Дай себя на перевязку
Песне, певанной отцом,
Вспомни материну сказку
С утешительным концом.
И минует чёрный вечер,
И пробьётся светлый луч,
И тепло, по-человечьи,
Глянет небо из-за туч.
Близорукий, станешь зорким
И опять вздохнёшь легко:
Когда горе станет горкой,
С горки видно далеко.*

Обозревая из высоких своих деревянных хором дали отчие и свои душевные дали, архангельский люд умудрялся ёмко формулировать жизненные заповеди, которые плавилась в душе Ольги Фокиной и выстраивались в забываемые строки:

*Делай так, чтоб приходилось
Сердце в сердце у стволов.
Будешь после строить жизнь,
Той же истины держись.*

Несомненно, что пройденный путь и самой Ольге Александровне открыл, сколь многим она обязана несравненному по красоте и образности языку её предков. Тому языку, который сегодня повсеместно забывается, вымарывается, подвергается насмешке как диалектный и не понятный без перевода. Однако именно он умел и призван был передавать во всей полноте те оттенки невозвратимого уклада, которые и делали богатыми не только закрома, но и души человеческие.

В народной речи каждое слово несёт в себе столь яркую эмоциональную окраску, что настоящий поэт никогда не заменит его на общеупотребительное, живущее в словаре. Так поступает и Ольга Александровна Фокина. Она не опасается вставлять в свои строки слова диалектные или используемые с нарушением норм – ведь всё это часть её собственной жизни и речи, а не “экспрессивные средства языка”, как для кого-то.

В ходу у Ольги Фокиной как сами собой разумеющиеся слова “очеп – охлупень – гонт – обредня – тарка – гребеи – коса-горбуша – исад – зыбонька-покачка – легота – надия – нонь – нать – распута – долонь – мужа – дивья – молодьё – урас – гоить – окриять – уноровить – кабыть – порато – мोगута – веретья – терпёлая” и т. д. и т. п. Она почти не делает к ним пояснений, потому как из контекста становится ясно, о чём речь. А если и остаются вопросы, то почему бы читателю не попытаться вникнуть в первооснову языка и не восхититься потаённым смыслом слов, украшавших прежнюю жизнь?

Временами трудно отделить истинно народные слова от тех, что рождаются из-под пера поэта. Так, лучина у неё “копотит”, пчела “загудала”, крыши “в мокре”, женщина “ниток расстаралася”, в дверь “торконулись”. Однако тут же, рядом, как привычные, явно слова новорожденные: самоделинка – зернятки – фуфаина – самолётина – монашины. Более того, Фокина, когда требуется не заболтать текст, прибегает к методу концентрации смысла в одном слове, и тогда появляется отглавленное нововведение “оюжены” (часто бывавшие на юге), несущее в себе явно осуждающий оттенок. Или фраза: “Последних приезжай поспешные шаги”, – в которой тоже до конца не ясно, кто впервые явил свету второе слово.

Подобных словесных изобретений у поэта немало, например, “Божьим-пальцем-отмеченность”, “Не-сон в ночи! Не-бодрость днями!” и даже “США-стие”.

Творящая в родной языковой стихии, Ольга Александровна, думается, и сама не замечает, как в её образный строй входит образный же взгляд её предков. Когда в тексте “дымок взорлил” над крышей, когда обнаружилась “непоклон-голова”, когда не просто иней, а “иния” легли на землю, всё это – многоголосое эхо тех, кто жил допрежь в этом мире и так же самозабвенно

любил его, как теперь – поэт. А иначе кто бы помог вот так вздохнуть и выдохнуть Ольге Александровне перед милыми краями: “Лесе мой милый...”?!

Понятно, что и некоторая, по нынешним меркам, неграмотность народной речи не кажется Фокиной таковой. Она свободно употребляет “неоткуль”, “кажет”, “накладу”, “поронили”, “имать”, “погину” и прочие слова. Для неё не зазорно “по-родственному” перенести ударение в слове “магазин” на второй слог, чтобы уложиться в избранный размер стиха.

“Неправильности” обжигают её строки так естественно и живописно, что только вордовский “грамотей” и способен их подчёркивать красным. А попробуйте вы заменить первое слово в развёрнутом образе “обрала бы ласково страхов паутинку” – и сразу увидите, как потускнеет фраза, сникнет, сразу станет универсальной, не привязанной к месту и времени, в которые хотел погрузить нас автор.

Поэт всегда предвидит будущее, считывая его с небес в минуты божественного откровения. Он может по-человечески прятаться от обжигающей боли и отрешиваться, но строки всё равно выдадут его тайну.

С какого-то времени не осознаваемый ещё страх за будущее малой родины, включающей в себя и большую, поселился в душе Ольги Фокиной. Это то, что она обозначила как “взрослый страх – найти и потерять”. Это то, от чего она пыталась закрыться розовыми шорами: “Как деревню ни запахивай – // Всё равно она взойдёт”.

Как до сих пор хочется верить, что случится именно так! В этом смысле поэтические строфы иногда являют собой успокоительное средство.

*Не все потеряно,
Не все разрушено!
Ужо, другим бочком
Земля повернется,
И встанет день торчком —
Куда он денется?..*

Или это – пробуждение и поддержание надежды в нашей душе – и есть единственно нужная и оправданная задача искусства?

*Земля оттаяла!
Зерно уронено!
...И птицы стаями
Летят на родину...*

В те дни, когда писались эти строки, самые главные испытания перестройки были у нас ещё впереди. И Фокина вместе со своим народом верила в благо перемен. “Всё мертвое – да рухнет! // Живое – да стоит!” По прежней привычке она ещё пытается уйти от тревог с помощью природы, которая всегда была её опорой. Но приметы бездушия и насилия всё виднее и там:

*...Где-то точится топор
На стволы смолистые...
Кто-то ставит номера
На колоннах лиственниц.
С вековым запасом лет,
В двадцать — уж помечены!..*

Состояние отчаяния от стиха к стиху нарастает, ибо поэт чувствует сердцем: ждать уже нечего, “кроме новых и новых трагедий”.

У крестьянина-труженика особое чутьё на правду и ложь: всю свою мудрость он подглядел в природе, сопоставляя её законы с человеческими. И ему, живущему на земле и от земли, в первую очередь есть что терять при любых общественных катаклизмах. Потому и для Фокиной не открытие та истина, что “человек вне природы – жесток, // Не к труду – к удовольствиям жаден”.

“Вам почто ломать, коли негде жить? – вопрошает она “перестройщи-ков”. – Вам почто рубить, коль не строиться?” И ответ вполне предскажем,

если смотреть из дня сегодняшнего, осветившего вчерашний ярким светом.
“...А государство валится // С пугающей поспешностью”, — не находит покоя поэт. Взывая к помощи стихий, Фокина вглядывается в разбушевавшуюся реку, которая, кажется, всю свою прошлую жизнь “к этой стремилась минуте” и теперь “рвёт и бросает, и крутит!” “Я не бывала такой... — невольно сопоставляет она себя с бурным потоком и спрашивает свою душу: — Буду ль? Успею ль — до снега?”

Фокину, как и весь трудовой народ, не желавший разгрома страны, неоступно мучает безадресность вины. “Увы, и я повинна: // Другие выбрала дела!” — взваливает она часть ноши на себя. И читателей принуждает не отгораживаться от терзаний.

*Ведь садились-то — не в гроб:
Кто-то правил, кто-то грёб,
Кто-то что-то славил-пел,
Кто-то дальше нас глядел.
Мы-то, вроде, ни при чём?..
Жил, так значит, виноват!..*

Оно и правда: нет на нашей грешной земле человека безгрешного, и чем выше у каждого спрос с себя, тем больше надежды выплыть. Если же постоянно допускать маленькие уступки, обособливаться, отгораживаться от общей судьбы, то... “Если совесть и правда — не с нами, // Побеждать и не следует нам”.

Фокина же предлагает жить без попустительства и по девизу:

*На нашей улице — не праздник.
...Но я на вашу — не пойду.*

Ей по судьбе близких известно, сколь заманчивы чужие “праздники”.

Разговор с братом в приводимом ниже стихотворении — одно из самых честных и безнадёжных мест в повествовании о сегодняшней России.

*— А зачем, — говорит брат, —
Груз забот на себя брать,
Если только Москва — мозг,
Остальная страна — хвост?
Не пристало: в хвосте — мысль!
Завелась — хвостану: — Брысь!
Наше: “виль-виль” да “мах-мах”!
Знать да думать — на кой прах?
От заботы висок — сед,
Ляг с заботой — и сна нет.
От заботы и лоб — лыс,
А на кой мне такой риск?
— Стой-постой, — говорю, — брат,
На себя, на страну врать!
Успокоился он — ой!
Дали волю — мели, пой,
Будто впрямь, как в раю, спишь,
Мускулишками жив лишь,
“Жигулёнком” от бед скрыт,
Поросёнком-козой сыт.
А река, где мазут сплошь,
Так она — не твоя, что ж!
И пескарь, что, сомлев, всплыл,
Видно, был отродясь хил,
И тебе всё равно, мол,
Кто в речонке взрывал тол,
Чтоб щурёнков — рукой брать...*

*Я не верю тебе, брат!
Мой рабочий, мой класс — ас,
Я не верю, что ты — пас
До всего, что — не рубль в горсть!
Человек на земле — гость.
А земля для него — стол...
Что ж творить, если стол гол?
Съели “НА”, поползли “ПОД” —
Под призывное “вперёд!”
Указатель — Москвы перст.
— До Москвы — десять сот верст!
— Десять сот — не велик путь.
В телефонишко верть-круть
И — вались вековой лес
К человечьим стопам — весь!
— Рубишь — силой слепых рук, —
На котором сидишь, — сук!
А своя голова где? —
— А своя — для других дел:
На своей шевельну мех,
Плескану первача — эх! —
И без дум, без забот — спать...
Нас таких по стране — рать!
И не вешаем мы нос:
Нам велели — не с нас спрос,
Что на месте тайги — голь.
Было б чем заглушить боль —
Всё повыгубим — на-ять!
Али нам привыкать-стать?
— Бель-берёзу — в топляк, в гниль...
Мелочовка! Хотя — былъ.
Но у хлеба без крох — как?
И не нищие мы пока:
Всё при нас — голова, хвост!
Вот за это давай тост.
Есть копейка — скорей трать!
Жизнь проходит — чего ждать?..*

Мы помним, что когда-то именно на своих родных-близких возлагала Ольга Фокина надежды, прося хранить родной очаг и землю. Однако короста коррозии, похоже, не минует ни одну душу. И понять это и принять стоит по-эту громадных усилий.

Автор ещё пытается вселить в себя надежду на какое-то сказочное возвращение народа к былой чистоте и силе: “С хмельных четверенок понуро // Поднимется в собственный рост”, “Всколоколим // Полям Куликовым! // Грянем русское “ура!”” Однако ни сама Фокина, ни мы как читатели уже не верим в такое.

И в этом есть беспощадная правда нашего времени. И безграничная честность творца.

Путь поэта и не может до конца оставаться оптимистичным и жизнеутверждающим в том земном смысле, какой мы привыкли в него вкладывать. Что же касается пути самого сокровенного, личностного, то здесь нам уже нет никакой возможности углубиться в него.

Перед нами в датированных перестроечными датами стихах уже не девочка, воспевавшая любовь к жизни, а согбенный опытом человек, плохо видящий, чему так восторженно радуются спешащие бок о бок с ним новые молодые люди.

*День восторженно ясен!..
По такому нему
Я иду, как Герасим,
Утопивший Муму.*

*...Из младенческих сказок,
Что вились надо мной,
Не осталось привязок —
Ни к чему, ни одной.*

Однако им, этим молодым, вслед Фокина ещё пытается выговорить своё, заветное, лелеемое из последних сил:

*По приказу бессилых
Не кидайтесь крушить,
Что поило-кормило
И позволило жить.
Кто там сник и стыдится,
И наладился бечь?
Вам ещё пригодится
Эта печь, эта речь,
Эта резвая речка,
Этой песни печаль
И тропа от крылечка
В эту русскую даль.*

Ещё в 1984 году, обозначая кризисный поворот в душе, Ольга Александровна пыталась отречься от своей лиры:

*Я всё написала и всё издала...
Прощай, моя мука, угасни, мой свет:
Что толку аукать, коль отзыва нет?
Что истину кликать? Без лишних затей
Вот пожня — пожни-ка! Вот поле — полей!
Что пользы в призывах? Кто честен и прям,
Спускайся в низины к негорним делам.*

Конечно, это была всего лишь минута отчаяния, после которой та, которая не смогла стать в жизни никем, кроме “жницы”, вернулась на своё поэтическое поле и продолжала собирать, и собирает с него по сей день урожай раздумий.

Однако ни она, ни мы не знаем и никогда не узнаем ответ на простейший вопрос: какое дело на свете важнее и нужнее — возрождённое крестьянское на тоскующих по хозяину российских просторах или мучительное поэтическое, врачующее нашу душу и спасающее от беспамятства?

Маюсь этим вопросом вот уже двадцать лет и я, выбрав для жительства после больших городов дедовы костромские леса. Маюсь тоже с думою о молодых, о собственных детях. Ведь наступит и для них когда-нибудь время “обдумать-оплакать никчёмность дорог”. И тончайшую, но всё-таки надежду на возврат к истокам вселяют в меня фокинские строки, что будут для них “поворотом судьбы // Твой свет из окошка, //Твой дым из трубы”...